

4. Ф о н е т и к а

И.Я. СЕЛЮТИНА

ДИСТРИБУЦИЯ СОГЛАСНЫХ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ ЮЖНОЙ СИБИРИ*

Данная статья представляет собой результат предварительного обобщения исследований консонантных систем группой фонетистов – сотрудников НИИ и вузов Сибири, работающих по проекту РГНФ “Системно-структурная организация консонантизма в языках Южной Сибири (по экспериментальным данным)”¹; в работе по данной проблематике принимают также участие аспиранты-фонетисты Института филологии СО РАН и студенты Кафедры языков и фольклора гуманитарного факультета НГУ.

Цель исследования – описание консонантизма в звуковых системах южно-сибирских тюркских языков (в тувинском литературном и Сүт-Хельском говоре центрального диалекта тувинского языка, в мрасском диалекте шорского языка, северных диалектах Алтая – чалканском, кумандинском, а также тубинском, в Нижне-Тёйском говоре сагайского диалекта; к сопоставлению привлечены результаты исследований по угро-самодийской фонетике, в частности, по казымскому диалекту хантыйского языка); выявление общего и специфического в артикуляционно-акустических базах их носителей на основе сопоставительно-типологического анализа конститутивно-дифференциальных признаков, структурирующих системы согласных фонем.

Фонетисты Сибири в своих исследованиях исходят из концепции возможности использования данных экспериментальной фонетики для реконструкции истории языков и этнических групп¹. Артикуляционно-акустическая база (ААБ) как система произносительных навыков, складывается на ранней стадии формирования этнической группы и сохраняет свою специфику – в силу относительной автономности звуковых систем – до тех пор, пока данная этническая группа существует как компактная общность; ААБ сохраняется даже в том случае, если этнос в

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 99-04-00112а).

процессе своего исторического развития переходит на другой язык в результате интенсивных контактов с другими народами. Возможность использования ААБ в качестве исторического источника особенно важна при реконструкции языков и истории народов Сибири, не оставивших письменных памятников. Проживая в горах или в глухой тайге, т.е. в условиях относительной географической изоляции, замкнутого ведения хозяйства и, следовательно, относительной консервации языков, народы Сибири сохранили в своих звуковых системах древнейшие черты, что делает их ААБ особенно надежным и информативным источником.

Другой теоретической посылкой, на которой базируется выполняемое исследование, является выдвинутая В.М. Надеяевым и научно обоснованная данными экспериментальной фонетики гипотеза о существовании в составе древнего алтайского лингвистического союза более молодого (I–XII вв. н.э.) циркумбайкальского языкового союза с выделением в нем байкало-саянского подсоюза с характерной для него фарингализацией гласных, и алтае-саянского подсоюза со свойственными входящим в него языкам системами согласных, обусловленными субстратом угро-самодийского типа².

Результаты функционального анализа согласных звуков в исследуемых языках с применением комплексной лингвистической методики позволили выявить инвентари согласных фонем, их основные реализации, их дистрибуцию и комбинаторику, основные артикуляционно-акустические признаки и построить гипотезы об их фонологическом статусе.

Сопоставление результатов с данными по угро-самодийской фонетике свидетельствует о наличии значительного типологического сходства инвентарей фонем и их функционирования в тюркских языках Южной Сибири (шорском³, чалканском⁴, кумандинском⁵, хакасском⁶, бачатско-телеутском⁷), с одной стороны, и в угро-самодийских⁸ – с другой: многовариантность произношения вследствие общей слабой мускульной напряженности как артикуляционно-базовом признаке; принцип распределения в слове глухих и звонких согласных, т.е. преимущественное инициальное и финальное употребление глухих и интервокальная репрезентация звонких согласных; высокий коэффициент консонантной насыщенности и др. Тувинский же консонантизм⁹, во многом совпадая в составе фонем с шорским, чалканским, кумандинским, хакасским, имеет качественно иную системно-структурную организацию, базирующуюся на тройной оппозиции сильных, слабых и сверхслабых согласных.

Еще в 1959 году В.М. Надеяевым была высказана гипотеза о существовании 4-х систем оппозиций согласных в тюркских языках: 1) по степени напряженности; 2) по количественным параметрам; 3) по звонкости/глухости; 4) по аспираторности // неаспираторности¹⁰.

Результаты экспериментально-фонетического изучения языков народов Сибири свидетельствуют о функционировании в урало-алтайских языках трех типов консонантных фонологических систем: 1) системы, структурируемые оппозицией по степени напряженности артикулирующих органов – здесь выделяются два подвида: системы с бинарной оппозицией слабых и сверхслабых согласных (энецкий, ненецкий, нганасанский, селькупский, хантыйский языки) и системы с тройным противопоставлением сильных, слабых и сверхслабых согласных (тувинский халха-монгольский, калмыцкий языки); 2) системы, базирующиеся на противопоставлении по количественному признаку: краткие, долгие и долготнонеопределенные консонанты; 3) системы с оппозицией по звонкости // глухости. Четвертый же тип консонантных систем, структурируемый противопоставлением по придыхательности, в языках Сибири – тюркских и нетюркских – не зафиксирован¹¹.

Сильная придыхательность аналутных смычных согласных отмечается исследователями в тувинском языке, консонантизм которого имеет огузскую систему единиц с тройной оппозицией по степени артикуляторной напряженности¹².

Своеобразие фонетической системы тувинского языка, резко отличающегося от других тюркских языков, свидетельствует о том, что субстрат у современных тувинцев был явно не тюркский – фиксируемая на данном этапе развития языка система согласных не могла сложиться только на исконно тюркской основе. По гипотезе В.М. Надеяева, в основе современного тувинского языка лежит язык *чиков*, отореченный (не ранее VII в. н. э.) уйгурским языком¹³. Но древние чики восприняли древний уйгурский язык через призму своей артикуляционно-акустической базы, для которой не были свойственны сильные согласные, скорее, у них были краткие и долгие консонанты. По В.М. Надеяеву, тувинские сильные аналутные согласные – результат влияния уйгурского суперстрата; остальное своеобразие древнетюркского консонантизма трансформировалось: сильные согласные в конце и в середине слова реализовались как слабые. Это, в свою очередь, привело к перестройке системы вокализма – к появлению специфических тувинских фарингализованных гласных¹⁴. Последовавшая столетие спустя кыргызская “кыпчакизация” охватила лишь тувинскую грамматику, но

почти не затронула фонетику уйгуро-огузского типа в преломлении артикуляционно-акустической базы древних чиков.

Предварительные результаты исследования одного из тувинских говоров – Сүт-Хельского – частично подтверждают предположение В.М. Наделяева, но имеют своеобразное преломление. В говоре сильные согласные реализуются не только в начальной, но в любой позиции в слове. При этом начало слова и слога маркируется придыхательностью (более выраженной в начале слова), а конец слова и слога – длительностью консонантов; придыхательность и длительность как бы находятся в отношениях дополнительной дистрибуции, что не позволяет считать их фонематическими признаками. Исключением из этого правила является ауслат нефарингализованных словоформ, не имеющих в своей звуковой оси долгих гласных – здесь длительность и придыхание сосуществуют. Что касается ауслата фарингализованных словоформ и нефарингализованных словоформ с долгим гласным, то ауслат маркируется только долготой, придыхательность здесь невозможна. Следовательно, в словоформах с более слабым вокализмом (нефарингализованным кратким) ауслатный консонант придыхательный долгий, в словоформах с более сильным вокализмом (фарингализованным – кратким и долгим, а также нефарингализованным долгим) ауслатный консонант непридыхательный долгий. Более того, в словоформах с фарингализованным гласным финальный согласный облигаторно имплозивный¹⁵. (Можно отметить, что имплозивность ауслатных согласных отмечена Я.Н. Поповой для лесного наречия ненецкого языка¹⁶). Т.о., принцип построения фонологической системы согласных в Сүт-Хельском говоре тот же, что и в литературном языке, но система более рациональная, а инвентарь единиц и внутрисистемные отношения сближают Сүт-Хельский говор с близкородственным тувинскому тофским языком, где, в отличие от тувинского литературного, градуальная оппозиция по напряженности не ограничивается анлаутом¹⁷.

Таким образом, признак длительности согласных, упомянутый В.М. Наделяевым применительно к языку чиков, находит своеобразное преломление в Сүт-Хельском говоре тувинского языка: длительностью маркируется конец тувинского слова и слога, она обусловлена позиционно.

Как показали экспериментально-фонетические исследования кумандинского, чалканского, бачатско-телеутского, а также хакасского консонантизма, в этих языках системы структурируются оппозицией по краткости // долготе. Эта особенность перечисленных языков трактуется

как результат ассимиляции тюрками предшествующего нетюркского – угро-самодийского – населения. Оппозиция согласных по шумности (слабости) // малошумности (сверхслабости) с последующим противопоставлением шумных по краткости // долготе есть результат наложения на угро-самодийскую субстратную систему с двойным противопоставлением согласных по слабости // сверхслабости тюркской суперстратной системы с тройной оппозицией сильных // слабых // сверхслабых консонантов. Неприемлемая для угро-самодийской артикуляционной базы сильная артикуляция реализовалась в языке предков современных алтайцев и хакасов как долгая. В этих языках и диалектах принцип организации систем один, но состав фонем и дистрибуция их реализаций различны¹⁸.

Можно высказать предположение о генетической близости субстрата современных этнических групп северных алтайцев, шорцев и хакасов, с одной стороны, и чиков – гипотетических предков тувинцев, с другой. Принципиальные же расхождения в преломлении древне-тюркской фонологической системы можно объяснить более сильной кыпчакизацией 1-й группы языков и более сильной монголизацией тувинского языка, особенно если учесть, что некоторые группы монголов – древние тюрки по происхождению и их консонантные системы строятся на противопоставлении по степени напряженности¹⁹.

При подготовке этой статьи предполагалось, что к числу консонантных систем, структурируемых оппозицией по квантитету, следует отнести и шорский, т.к. экспериментально-фонетические данные, полученные Н.Б. Пospelовой, свидетельствуют о функционировании кратких и долгих фонем типа *p*, *t*, *k*²⁰. Однако аудитивные наблюдения Н.С. Уртегешева указывают на необходимость еще раз вернуться к рассмотрению проблемы длительности согласных в шорском языке. В частности, выделение на фоническом уровне большого количества единиц с вытекающими отсюда методологическими трудностями в плане лингвистической их трактовки обусловили проведение более детализированного анализа дистрибуции и комбинаторики согласных. В результате оказалось, что в шорском языке длительность и напряженность, детерминируемые наличием в начальной фазе артикуляции фарингального приступа, используются для маркировки анлаута слова. Следовательно, квантитативные характеристики в шорском языке не являются фонематическими; они реализуются на уровне аллофонов. Конечно же, эта гипотеза нуждается в проверке.

Тем не менее, можно говорить о трёх типах реализации одного и того же признака: в кумандинском, чалканском, бачатско-телеутском длительность – это фонематический признак, в тувинском им маркируется конец слова и слога, в шорском – выделяется начало слова.

Степень напряженности – системообразующий признак консонантизма в тувинском и оттенок – позиционно-комбинаторный – в остальных рассматриваемых языках.

Аспирация, ярко выраженная в тувинском анлауте и менее характерная в начале слога, обусловлена позиционно; в остальных тюркских языках Южной Сибири придыхание более слабое, оно не имеет фонологического статуса, является либо позиционно-комбинаторным, либо его появление факультативно.

Оппозиция по работе голосовых связок выступает в качестве системообразующей для консонантизма тунгусо-маньчжурских языков, а из тюркских – для якутского (по экспериментальным данным Н.Д. Дьячковского²¹) и долганского²². Релевантность признака глухость // звонкость в языках якутов и долган, вероятно, является результатом длительного контактирования предков современных якутов и долган с тунгусо-маньчжурскими этносами, подкрепленного затем влиянием русского языка.

Следует отметить при этом, что в долганском консонантизме конститутивность и дифференциальность не имеют достаточной определенности. С одной стороны, в группе шумных согласных Н.П. Бельтюковой выявлена общая тенденция к противопоставлению их по признакам глухости и звонкости, с другой стороны, намечается общее стремление к оппозиции по параметрам длительности. Обе тенденции проводятся в долганском языке с некоторыми нарушениями: зоны разброса показателей квантитета по конкретным измерениям частично перекрывают друг друга равно как и зональное распределение параметров глухости-звонкости; однако, средние относительные данные указывают на становление системы, структурируемой оппозицией по квантитету. Система носит переходный характер.

Следует также отметить, что характерной особенностью для большинства тюркских языков Южной Сибири является консонантный анлаут. Даже если слово начинается с гласного, этот гласный имеет ларингальный или фарингальный приступ – смычный или щелевой. В тувинском языке, кроме того, ауслат также должен быть оформлен консонантом. После финального гласного и – более того – после финального сонорного появляется гортанная смычка.

Начало слова в тюркских языках Южной Сибири обязательно маркируется – напряженностью и аспирацией в тувинском языке, напряженностью и долготой в шорском и хакасском. В тувинском, кроме того, маркируется и начало слога, хотя и в более слабой степени, нежели начало слова.

¹ В.М. Наделяев. Артикуляционная классификация гласных // Фонетические исследования по сибирским языкам. Новосибирск, 1980. С. 6; *Он же*. К типологии артикуляционно-акустических баз (ААБ) // Фонетические структуры в сибирских языках. Новосибирск, 1986. С. 3–15.

² В.М. Наделяев. Циркумбайкальский языковой союз // Исследования по фонетике языков и диалектов Сибири. Новосибирск, 1986. С. 3–4.

³ Н.Б. Поспелова. Состав согласных фонем в шорском языке // Языки народов Сибири. Кемерово, 1977. С. 21–33; Н.С. Уртегешев. Звуки, обозначаемые графемами *к* и *г* в современном шорском литературном языке (на материале мрасского диалекта) // Языки коренных народов Сибири, вып. 6. Новосибирск, 1999. С. 62–73.

⁴ Н.А. Мандрова (Кирсанова). Реестр согласных фонем в языке чалканцев // Вопросы изучения алтайского языка. Горно-Алтайск, 1981. С. 43–53.

⁵ И.Я. Селютина. Кумандинский консонантизм. Экспериментально-фонетическое исследование. Новосибирск, 1983; *Она же*. Самодийские субстратные черты в консонантизме северных алтайцев // Шестой международный конгресс финно-угроведов. Тезисы, т. II. Сыктывкар, 1985. С. 168–170.

⁶ Д.И. Чанков. Согласные хакасского языка (Опыт экспериментального исследования). Абакан, 1957; К.Ф. Родионова. Дистрибутивный анализ согласных шорского диалекта хакасского языка. В кн.: Сибирский фонетический сборник. Новосибирск, 1983. С. 32–50.

⁷ К.В. Меркурьев. Инвентарь согласных фонем и их дистрибуция в языке батачских телеутов // Вопросы языка и литературы народов Сибири. Новосибирск, 1974. С. 49–64.

⁸ Л.А. Верте. Некоторые дистрибутивные характеристики согласных фонем казымско-го диалекта хантыйского языка // Исследования звуковых систем сибирских языков. Новосибирск, 1979. С. 144–147; Я.А. Глухий. Конститутивно-дифференциальные признаки согласных фонем в энецком языке (диалект бай) // Языки и топонимия Сибири. Выпуск 4. Томск, 1977. С. 15–20; Н.В. Деннинг. Некоторые данные по частотности и дистрибуции селькупских согласных // Структура палеоазиатских и самодийских языков. Томск, 1964. С. 142–149; Ш.Ц. Купер. О консонантизме кетского диалекта селькупского языка // Языки и топонимия Сибири. Томск, 1981. С. 98–108; Ю.А. Морев. Двуконсонантные сочетания в селькупском языке (на материале среднеобского диалекта чумьлукпупов) // Языки и топонимия. Выпуск 2. Томск, 1976. С. 69–78; Я.Н. Попова. Фонетические особенности лесного наречия ненецкого языка. М., 1978; А.К. Столярова. Подсистема согласных фонем в нганасанском языке (по материалам языка авамских нганасан // Сибирский фонетический сборник. Улан-Удэ, 1976. С. 87–98; Ю.А. Тамбовцев. Устойчивость консонантного коэффициента в зависимости от величины выборки в некоторых финно-угорских языках // Исследование языков народов СССР. Новосибирск, 1985. С. 110–114.

⁹ С.Ф. Сегленей. Инвентарь согласных фонем современного тувинского языка // Исследования звуковых систем сибирских языков. Новосибирск, 1979. С. 90–109.

¹⁰ В.М. Наделяев. Выступление на координационном совещании // Вопросы методов изучения истории тюркских языков. Стенограмма координационного совещания по вопросам методов изучения истории тюркских языков, состоявшегося в Ашхабаде, 19–22 октября 1959 г. Ашхабад, 1961. С. 193–197.

¹¹ И.Я. Селютина. Консонантные системы в урало-алтайских языках // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур. Тезисы Международной научной конференции. Новосибирск, 26–30 июня 1995 г. Т. I. Новосибирск, 1995. С. 22–25.

¹² Ш.Ч. Сат. Тувинский язык // Языки народов СССР. Т. II. Тюркские языки. М., 1966. С. 388–389; С.Ф. Сегленей. Шумные губные согласные тувинского языка // Фонетические особенности тюркских диалектов Сибири. Новосибирск, 1989. С. 83–91.

¹³ В.М. Наделяев. У истоков тувинского языка // Исследования по тувинской филологии. Кызыл, 1986. С. 53–63.

¹⁴ В.М. Наделяев. Некоторые заметки по фонетике тюркских языков: К вопросу о происхождении фарингализованных гласных в тувинском языке // Звуковые системы сибирских языков. Новосибирск, 1989. С. 3–7.

¹⁵ С.В. Кечил-оол. Дистрибуция тувинских шумных щелевых согласных (Сүт-Хельский говор центрального диалекта) // Материалы XXXVII международной научной студенческой конференции “Студент и научно-технический прогресс”. Филология. Новосибирск, 1999. С. 92–94.

¹⁶ Я.Н. Попова. Фонетические особенности лесного наречия ненецкого языка. М., 1978.

¹⁷ В.М. Наделяев. Особенности звуковой системы языка тофов // Материалы конференции “Этногенез народов Северной Азии”. Новосибирск, 1969. С. 235–236; В.И. Рассадин. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Уде, 1971.

¹⁸ И.Я. Селютина. Кумандинский консонантизм (экспериментально-фонетическое исследование). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1980.

¹⁹ В.М. Наделяев. Теоретическое и практическое значение фонетических исследований по языкам народов Севера // Письменность народов Сибири. История и перспективы. Новосибирск, 1981. С. 15.

²⁰ Н.Б. Поспелова. Фонемы [к]₁ и [к]₂ в мрасском диалекте шорского языка // Экспериментальная фонетика сибирских языков. Новосибирск, 1982. С. 143–153; Она же. Фонемы [т]₁ и [т]₂ в мрасском диалекте шорского языка // Сибирский фонетический сборник. Новосибирск, 1983. С. 7–15.

²¹ Н.Д. Дьячковский. Звуковой строй якутского языка. Часть II. Консонантизм. Якутск, 1977.

²² Н.П. Бельтюкова. О соотношении глухости-звонкости в долганском языке // Сибирский фонетический сборник. Новосибирск, 1983. С. 55–58.